

18+

Ольга Усачева

Лето перемен

Ольга Усачева

Лето перемен

«Издательские решения»

Усачева О.

Лето перемен / О. Усачева — «Издательские решения»,

Таёжное село Суерка, 1991 год. Для двенадцатилетней Оли это лето обещает быть беззаботным: река, качели, первая любовь, робот из мусора. Но страна трещит по швам — и вместе с ней рушится привычный мир её семьи.

Мамины слёзы, папины срывы, пустые полки и «Лебединое озеро» 19 августа навсегда изменят её жизнь. Это роман-воспоминание о поколении, чьё детство закончилось в тот август. О простых людях — чудаках и героях, которых никто не забудет. О любви, которая не умирает. Главное — быть вместе.

© Усачева О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Лето начинается»	6
Глава 2. Общее дело	13
Глава 3. Городская	20
глава 4. Машка и Марадона	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лето перемен

Ольга Усачева

© Ольга Усачева, 2026

ISBN 978-5-0070-6202-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Лето начинается»

*Одну простую сказку,
а может, и не сказку,
а может, не простую,
хотим вам рассказать...*

Магнитофон «Романтик» стоял на табуретке, и Светка уже крутила колёсико, перематывая плёнку. Я выжимала тряпку над ведром, пританцовывая от нетерпения. Наконец раздался знакомый, чуть хрипловатый голос певца, и зазвучала наша любимая песня из мультфильма «Пластилиновая ворона»

Мы пели с сестрой во весь голос, перекрикивая треск динамика:
— А может быть ворона, а может быть собака, а может это дворник был...

Мы носились по веранде, подпрыгивая и прищёлкивая пальцами, пока мама не выглянула из кухни.

— Вы там не переверните ничего! — крикнула она, но голос её смеялся.
А мы продолжали.
— И вам седло большое, ковёр и телевизор в подарок сразу вручат, а может быть, вручат!

Мы рухнули на свернутый матрас, заливисто хохоча. Вот оно, лето! Настоящее, долгожданное, когда можно не думать об уроках, не мёрзнуть по утрам и не спешить в школу. Только свобода, только смех и мы.

— Так, — сказала я, вставая и упирая руки в бока. — Наводим идеальный порядок. Выносим всё мамино-папино в сарай. Здесь будет наше королевство.

Светка тут же схватила папину старую куртку, висевшую на гвозде, и потащила к двери. Я выгребла из угла коробку с какими-то инструментами, банку с гвоздями и засохшую краску. Отправились в сарай и мамины валенки, и дедовы сапоги, и старая настольная лампа с оборванным шнуром. Веранда пустела, наполняясь светом и тишиной.

Потом мы ползали на коленках, драя доски жёсткой щёткой. Вода в ведре стала бурой от старой пыли. Пахло мокрым деревом, хозяйственным мылом и чем-то сладким, что тянуло с улицы — там отцветала сирень, густая, лиловая. Запах свободы.

Когда пол высох, мы разложили на нём два ватных матраса, устроив наше ложе. Простыни пахли ветром — мама сушила их на улице, и в них запутался запах травы и солнца. На табуретку между раскладушками отправились книжки, раскраски и старенький фонарик. На допотопный комод, накрытый яркой бабушкиной скатертью, мы водрузили наши сокровища: ракушки с Тобола, красивую шишку, выкрашенную серебрянкой, и прошлогоднюю фотографию — мы с девочками на фоне школьного крыльца.

— А где мы переодеваться будем? — спохватилась Светка.

Я огляделась. После уборки веранда казалась просторной и немного пустой.

— Сделаем ширму! — решила я. — Как у настоящих принцесс.

Мы натянули бельевую верёвку от гвоздя до гвоздя и накинули старую простыню. Получилось неказисто, но таинственно. Светка юркнула внутрь, высунула голову и прошептала: «Не подглядывай!» Я засмеялась.

Вечер пришёл неожиданно. Сначала небо за окном стало розовым, потом лиловым, а потом — тёмно-синим, почти чёрным. Мы забрались под одеяла, прислушиваясь к ночным звукам. С улицы, сквозь москитную сетку из старой тюли, тянуло сладким, чуть терпким запахом сирени. Где-то далеко лаяла собака, ей отвечала другая. А высоко в небе, которое было видно в проёме окна, загорались первые звёзды.

Сквозь тишину пробивалось щёлканье соловья. Он выводил свои трели так замысловато, будто соревновался с кем-то невидимым.

— Оль, — позвала Светка в темноте.

— М-м-м?

— А помнишь, как мы в прошлом году на сеновале ночевали? И Ритка страшилку про гроб на колёсиках рассказывала. Я тогда боялась-пребоялась, а теперь смешно.

Я улыбнулась. Прошрое лето казалось таким далёким и одновременно близким. Коля, который приехал из Тюмени с чемоданом и в очках. Стихи, которые он подарил на прощание. Тетрадь, которую я перечитывала всю зиму. Мы переписывались с Колей весь год. Он писал о городе, о школе, о том, что скучает. Я — о снеге, о Суерских сугробах, о том, как жду нового лета.

А теперь он приедет завтра. И от этой мысли у меня внутри разливалось что-то тёплое, сладкое и немного тревожное.

— Свет, — тихо сказала я.

— М-м-м?

— А ты веришь, что лето будет хорошим?

— Оно всегда хорошее, — сонно ответила сестра. — Лето же.

Над ухом заныл комар. Я хлопнула себя по щеке, но он был быстрее.

— Вот же зараза, — буркнула я, зарываясь в одеяло с головой.

Светка засмеялась, но смех быстро стих, перешёл в ровное, спокойное дыхание. Она уснула. А я лежала с открытыми глазами, слушая, как поёт соловей, и думала о том, как быстро летит время. О том, как в прошлом году мы были ещё совсем детьми. И о том, что завтра всё начнётся заново. Коля, река, подруги. И это лето, которое, я чувствовала, будет особенным.

Я натянула одеяло до подбородка, поймала себя на мысли, что улыбаюсь.

— Спокойной ночи, Светка, — прошептала я.

— Угу, — еле слышно донеслось в ответ.

За окном пел соловей. Пахло сиренью и приближающимся счастьем.

Автобус из Упорово приходил в Суерку два раза в день — утром и вечером. Я стояла на остановке, прижав к груди тетрадку со стихами, и смотрела в ту сторону, где пыльная дорога уходила за поворот, к фермам, а дальше — к лесу, к райцентру, к большой земле.

До автобуса оставалось ещё полчаса, не меньше. Я присела на лавочку, которая стояла у покосившегося столба с расписанием, написанным от руки печатными буквами. Краска облупилась, некоторые цифры стёрлись, но главное я знала и так: первый — в семь утра, второй — в четыре вечера. Сейчас было полчетвертого.

Улица Мира дремала в послеобеденной истоме. Солнце висело еще высоко, заливая заборы и крыши густым, медовым светом. Где-то за огородами тарахтел трактор. Петух на чужом подворье крикнул раз, другой, потом замолчал, будто понял, что время не то. Жизнь в Суерке текла медленно, как малиновое варенье, которое варила бабушка каждое лето. Никто никуда не спешил, потому что спешить было некуда.

А я спешила. Внутри всё кипело, колотилось, переворачивалось. Я ждала Колю уже полгода. Полгода писем, тонких тетрадных листочков, сложенных в конверты, и его размашистого почерка, который я выучила наизусть, как таблицу умножения.

И каждый раз, опуская письмо в почтовый ящик, я думала: как же далеко мы живём. На самом краю света. Дороги без асфальта, автобус ходит два раза в день, а до ближайшего города — полдня тряски по просёлкам. Вокруг — тайга. На сотни километров — лес, болота, мелкие речушки и редкие деревни, которые даже на карте не сразу найдёшь. А там, где живёт Коля, — дома в двадцать этажей, театры, университеты, магазины с таким количеством товаров, что глаза разбегаются. Совсем другой мир. Мир, куда мне, наверное, никогда не попасть.

Я посмотрела на тетрадку со стихами. Обложка была потёртой, уголки замялись. Последнюю страницу украшали стихи, которые он написал тем летом, когда мы только познакомились. «Ты — как луч света в потёртом кармане». Я перечитывала их столько раз, что знала наизусть. Иногда я закрывала глаза и шептала строчки, пробуя их на вкус, как леденец.

Автобус показался из-за поворота неожиданно. Сначала я услышала его — далёкий, натужный рёв мотора, который кашлял и чихал, будто старый дед. Потом увидела жёлтый борт, мелькнувший между кустов акации. Сердце ухнуло куда-то вниз, потом подпрыгнуло и забилось в груди.

Я встала, одёрнула платье. Новое, ситцевое, в мелкий белый горошек. Мама сшила его специально к приезду Коли, хотя говорила, что я и так хороша. Я крутилась перед зеркалом полчаса, заплетала косу, расплетала, снова заплетала. Надо же, чтобы всё было идеально.

Автобус затормозил, взметнув облако пыли. Дверь открылась со скрипом, каким открывают старый сундук на чердаке. Сначала вышла тётя Зина с авоськой, полной свертков. Потом — участковый дядя Миша, который ездил в районный центр за новой формой. А потом — он.

Коля.

В джинсах, в светлой рубашке с коротким рукавом, с рюкзаком за плечами и с тем же кожаным чемоданом, который я запомнила год назад. Только теперь Коля был выше, плечи шире, и в лице появилось что-то новое, не по-детски серьёзное. Он огляделся, щурясь от солнца, и тут его взгляд упал на меня.

Я не могла пошевелиться. Всё, что я репетировала весь день — «Привет, как дела?», «Как доехал?», «Ты не устал?» — вылетело из головы в ту же секунду. Я стояла, как дура, прижимая к груди тетрадку, и молчала.

Он тоже молчал. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и вся Суерка замерла вместе с нами. Перестала клубиться пыль на дороге. Перестал лаять пёс. Даже петух на чужом подворье, затих, будто понял, что сейчас происходит что-то важное.

Потом Коля улыбнулся. Такой знакомой, такой родной улыбкой, от которой у меня всегда замирало в груди. Он подошёл, не говоря ни слова, и взял меня за руку. Просто взял. Тихо, осторожно, будто я была хрупкой, как ветреница, которую мы собирали в лесу для мамы.

Его пальцы были тёплыми и шершавыми, как у всех, кто только что держал чемодан с железной ручкой. Я почувствовала, как по коже побежали мурашки — не от холода, а от чего-то нового, большого, что вдруг поселилось внутри.

Всё. Никаких слов не надо было.

Я сжала его пальцы в ответ. И тоже улыбнулась.

Вокруг снова зашумела жизнь. Петух напомнил о себе, собака тявкнула с новой силой, тётя Зина поинтересовалась у дяди Миши, не видел ли он в Упорово дешёвых сапог. А мы стояли посреди пыльной дороги, на краю света, в деревне, которую не сразу найдёшь на карте, и держали друг друга за руки. Лето начиналось. Настоящее. Наше.

Мы пошли по улице, и я всё не могла отпустить его руку. Да и он, кажется, не торопился. Так мы и брели — Коля с чемоданом в одной руке и со мной в другой, а следом, метрах в пяти, топала Светка, которая, к счастью, решила не лезть с расспросами. Наверное, даже она понимала: сейчас не до неё.

Но долго побыть вдвоём нам не дали.

— Олька! Олька, ты почему без нас пошла Колю встречать? — донёсся звонкий голос Наташки.

Я обернулась. Из-за угла дома высыпали подруги — Наташка, Ритка и Оксана. Они неслись к нам, размахивая руками, как крыльями. Наташка, как всегда, впереди, её каштановые кудри развевались по ветру.

— Коля! Привет! — закричала Оксана, подбегая первой и обнимая брата. — А мы думали, ты завтра! Мама сказала, что телеграмму от твоей мамы получила...

— Я решил пораньше, — улыбнулся Коля, осторожно высвобождаясь из объятий. — Мама отпустила.

— Молодец! — Наташка подскочила и бесцеремонно заглянула ему в лицо. — А ты вырос. Дай посмотреть!

Она принялась крутить его, как куклу, а он смущённо улыбался, поглядывая на меня. Я хотела возмутиться, но Ритка уже сунула нос в рюкзак.

— Это что? — спросила она, вытаскивая продолговатый свёрток в газете.

— Ах да! — Коля расправил плечи и торжественно забрал у неё свёрток. — Я же привёз кое-что. Сюрприз.

Мы сгрудились вокруг, как цыплята вокруг червяка. Он развернул газету. Там был прямоугольник из плотного картона, а внутри — чёрный блестящий диск.

— Пластинка, — сказал Коля. — «Кино». Цой. Слышали?

Мы молча переглянулись. Про Цоя, конечно, слышали. У кого-то были переписанные кассеты, у старшеклассников — нашивки на джинсовках. «Перемен требуют наши сердца» — хором пели мы, собираясь на задах, встречая коров.

— У вас же есть проигрыватель? Я помню, прошлым летом вы пластинки крутили.

— Есть, — выдохнула я. — Старый, дедушкин. Но он работает.

— Вот и отлично. Будем слушать.

Коля полез в рюкзак дальше. На этот раз он вытащил небольшую коробочку, обклеенную коричневой изолентой. Открыл. Внутри, утопая в вате, лежал фотоаппарат. Маленький, квадратный, с серебристыми кнопками и блестящим объективом.

— «Смена», — сказал он. — Моя мама дала. Сказала, чтобы Суерку снимал. И вас всех.

Он поднял аппарат и, не глядя в видоискатель, щёлкнул. Мы замерли, услышав механический «щёлк».

— Вот это да! — Наташка тут же выхватила фотоаппарат и приложила к глазу. — А сколько кадров?

— Тридцать шесть, — ответил Коля. — Но у меня несколько кассет с пленкой есть, на всё лето хватил.

— Мы будем сниматься, как кинозвёзды! — заявила Оксана и тут же принялась позировать, вздёрнув подбородок.

Я смотрела на них и чувствовала, как внутри что-то подрагивает от счастья. Коля приехал, привёз подарки. И мы снова вместе — вся наша банда. Пусть Наташка крутится перед объективом, пусть Ритка рассматривает пластинку, как музейный экспонат. Главное — все здесь. И лето начинается.

— Айда коров встречать? — предложила я, вспомнив, что время уже близится к вечеру.

— Айда! — поддержал Коля — Только я вещи у Оксаны оставлю и выйду.

Мы забежали к Оксане на минутку, Коля оставил свой чемодан и рюкзак, а потом мы двинулись к задам — короткой дороге за огородами, что вела к лесной опушке, откуда каждый вечер выгоняли стадо. Коля шёл рядом. Фотоаппарат переключал к Наташке, которая щёлкала всё подряд — и взлетевшую с забора ворону, и Светку, строящую рожицы, и низкое солнце, запутавшееся в ветках акации.

— Коля, а ты научишь нас с ним обращаться? — спросила я, кивнув на фотоаппарат.

— Наташка уже учится, — усмехнулся он. — А ты будешь моделью. Самая красивая девушка в Суерке должна быть на всех кадрах.

Я почувствовала, что краснею. Хорошо, что солнце светило в лицо — можно было спрятать на загар.

За огородами, на бугре, уже сидели ребяташки с других улиц. Кто-то играл в ножички, кто-то щёлкал семечки, делясь последними новостями. Мы устроились на старых брёвнах — на тех, где в прошлом году сидели каждый вечер.

— Коля, а в Тюмени сейчас как? — спросила неожиданно Ритка, которая всегда интересовалась городской жизнью. — Всё дорожает, говорят?

— Дорожает, — кивнул он. — И очереди. Мама за сахаром полдня стояла. Зато появились кооперативные магазины, там можно купить что-то без талонов, но дорого.

— У нас тоже, — вздохнула Оксана. — Мама говорила, скоро молокозавод закроют. Невыгодно стало.

Мы замолчали. Взрослые разговоры всегда были скучными и тревожными. Я смотрела в сторону леса, откуда вот-вот должно было показаться стадо.

— А пластинку когда поставим? — спросила Светка, разрушив тишину.

— Завтра, — сказал Коля. — Или сегодня вечером, если успеем.

— Успеем! — хором заверили мы.

Из леса донёлся первый звон колокольчиков. Показались овцы, за ними — коровы, величественные и неторопливые, как пароходы. Я нашла глазами нашу Марту — её чёрно-белую шкуру с картой мира на боку. Она шла спокойно, не торопясь, и лишь изредка мычала.

— Марта! — крикнула я, и корова повернула голову, узнав мой голос.

Мы разбрелись по стаду, каждый искал свою бурёнку. Коля остался на бугре с фотоаппаратом. Он щёлкал нас — растерянных, смеющихся, счастливых. Щёлкал коров, закат, ребятшек, которые гонялись за отбившимися телятами.

Потом, когда стадо растянулось по улице, и мы потянулись следом, он догнал меня и тихо сказал:

— Я так рад, что приехал. Я очень скучал. По тебе и по всему этому...

Я посмотрела на него. В вечернем свете его глаза казались совсем тёмными, почти чёрными.

— И я рада, что ты приехал. Теперь лето, наконец начинается — ответила я.

Сзади Наташка запела что-то из репертуара «Ласкового мая», и все подхватили — фальшиво, но весело. Мы шли по пыльной улице, коровы впереди, мы за ними. Пахло коровьими лепёшками, нагретой землёй и приближающимся вечером.

Лето начиналось. И оно обещало быть непохожим на всё, что было раньше.

Глава 2. Общее дело

Традиция заготавливать берёзовые веники в нашей семье передавалась, наверное, от прадедов. Начало лета — самое время, пока лист ещё молодой, не огрубевший, душистый. Мама сказала: нынче нужно заготовить больше, не только для нас, но и на продажу. В райцентре, говорит, банщики за один веник по три рубля просят. Мы с девчонками переглянулись. Три рубля! Это ж целое состояние. И за работу, в общем-то, нехитрую.

— Значит, так, — скомандовала я, когда мы собрались на опушке. — Нам надо штук по тридцать хотя бы. Мама на рынок в Упорово повезёт, там и продаст.

— Тридцать? — Наташка присвистнула. — Оля, у нас руки отвалятся.

— А ты хочешь всё лето без денег сидеть? — парировала я.

Спорить никто не стал. Даже Коля, который поначалу смотрел на наши приготовления с недоумением.

— Веники? — переспросил он, когда я вручила ему небольшой топорик. — Из веток? И это... продают?

— А ты думал, — усмехнулась Ритка, — В каждом уважающем себя русском банном деле веник — главный инструмент. Без него и пар не тот.

Коля покрутил в руках топорик, попробовал на вес. Вид у него был такой, будто мы собрались не за вениками, а на секретное задание.

Мы шли по полю к лесу. Начало июня, а жара стояла, как в середине лета.

— Жарко! — законючила Светка.

— А ты побегай, прохладно станет! — хмыкнул Коля.

— Не поняла. — Искренне удивилась сестра.

— А это анекдот такой — засмеялся Коля. — Идет по пустыне измученный жарой верблюд. Подбегает к нему тушканчик и спрашивает: «Верблюд! Ты что такой грустный?» «Да вот, — говорит, — пить хочу и очень жарко». «А ты бегай, как я, меня ветром обдувает». Верблюд собрал все силы и побежал. Через несколько метров упал. Тушканчик подошел, потрогал лапкой лоб и говорит: «Замерз бедняга».

Все как выпали ржать. В такую жару бегать — это самоубийство. Я смотрела на Колю и как будто узнавала его заново. За этот год он изменился. В прошлом году был застенчивый мальчик, а сейчас вел себя с нами легко, шутил, рассказывал анекдоты. Определенно, он мне нравился всё больше.

Мы углубились в молодой берёзовый лес — не тот, что за огородами, а дальше, где деревья пониже, прутья — длинные и гибкие. Я сразу принялась выбирать: вот этот хорош — ровный, без сучков, лист крупный, ярко-зелёный, пахнет так, что голова кружится. Девчонки разошлись в разные стороны, а мы с Колей остались у большого пня, на котором я водрузила свой рюкзак с припасами.

— Ладно, — сказал он. — Показывайте, что делать.

— Смотри, — начала я, выбирая первый прут и показывая, как его нужно правильно срезать. — Главное — не повредить берёзу. Срезаешь под углом, чтобы рана быстрее затянулась. И не срежай всё подряд. Оставь дереву силу.

Коля кивнул и осторожно приставил топорик к тонкому стволу. Ударил. Прут упал, но не так, как надо — срез получился неровный, с заусенцами.

— Не страшно, — сказала я. — Первый блин комом.

Он попробовал ещё. Получилось лучше, но всё равно кривовато. Я взяла его руку в свою и помогла приноровиться. Его пальцы были тёплыми и сильными, и я вдруг подумала, что мы стоим слишком близко. Где же наши, когда нужны? Но деваться было некуда, и я решила, что это просто работа.

Я показывала, как собирать ветки, усаживаясь на траву и начиная связывать первые веники. — Смотри. Берёшь несколько веток — примерно вот так — кладёшь одну на одну. Самые длинные — внутрь, покороче — по краям. Потом связываешь в двух местах — у основания и чуть выше, чтобы не рассыпались. Если кончики торчат, можно на пеньке подрубить топором.

Я ловко обмотала пучок бечёвкой, затянула, отрезала ножницами конец. Коля наблюдал с таким видом, будто я демонстрировала фокус.

— Дай попробую.

Я протянула ему заготовку. Он принялся связывать, но бечёвка всё норовила соскочить, прутья рассыпались, никак не желая лежать ровно.

— А если вот так? — спросил он, пытаясь соорудить конструкцию, которая больше напоминала метлу.

— Не-а, — засмеялась я. — Таким веником только двор мести. Нужно, чтобы веточки не внутрь лежали, а наружу, растопыренные. Тогда париться хорошо таким веником. Смотри ещё раз.

Я снова показала, медленно, объясняя каждое движение. Коля вцепился в бечёвку с упрямством, которому я могла только позавидовать.

— Можно я рядом сяду? — спросил он, кивнув на траву.

— Конечно, — ответила я, стараясь не выдать своего волнения.

Он сел — совсем близко, почти вплотную. От него пахло лесом, дорожной пылью и чем-то новым, незнакомым — наверное, городским. Я украдкой взглянула на его руки. Они были больше, чем в прошлом году, пальцы длиннее, и в движениях появилась какая-то уверенность. Только вот с вениками она пока не помогала.

— У тебя терпения — на десятерых, — буркнул Коля, когда очередной его пучок развалился.

— Это называется «деревенская закалка», — улыбнулась я. — Мы тут с детства всё своими руками делать привыкли.

— Я заметил, — он отложил бечёвку и посмотрел на меня. — У тебя всё хорошо получается.

Я не знала, что ответить. Повезло, что из кустов вынырнула Светка с охапкой берёзовых веток.

— Оль! Смотри, какие я нашла! — закричала она. — Самые пушистые!

Я отодвинулась от Коли на более безопасное расстояние и принялась разбирать Светкину добычу.

Солнце поднялось уже довольно высоко, и в лесу стало жарко и душно. Мы перебрались в тень большой берёзы, разложили на траве брезент и продолжили работу. Коля, наконец, начал понимать, что к чему. Его веники выходили всё равно кривоватыми, но теперь хотя бы не разваливались. Ритка даже похвалила:

— Для городского — отлично. Мой дядя из Тюмени и спички не мог зажечь, когда первый раз приехал.

— А я умею и спички зажигать, — обиделся Коля.

— Ой, да ладно тебе, — Наташка хлопнула его по плечу. — Шутим мы. Ты вообще молодец. Вон сколько навязал.

И, правда. Рядом с Колей выросла целая горка веников. Кривоватых, не очень аккуратных, но честных.

— Хотите анекдот про Горбачева? — неожиданно предложил Коля.

Мы, конечно, хотели. Про Горбачева и перестройку смешные были анекдоты. Мы слышали по вечерам, как их рассказывают родители друг другу. Но почему-то казалось, что они смеялись как-то не весело над этими анекдотами.

— Короче! — Коля хмыкнул — Выступает Горбачев на съезде. «Товарищи, в 1990 году у нас не будет мясных продуктов. Что предлагаете делать?». Зал молчит. Вдруг голос из зала: «Будем работать по 10 часов!» Горбачев продолжает: «В 1991 году у нас не будет молока. Ваши предложения?» «Будем работать по 16 часов!» «А в 1992 будут перебои с хлебом.» «Будем работать 24 часа в сутки!» Растроганный Горбачев: «Спасибо вам, дорогой товарищ! А где вы работаете?» «В крематории».

Мы засмеялись. Но, как и у взрослых, это получилось не весело. В Суерке было кладбище, про крематории я только недавно узнала, что есть такие в больших городах. Анекдот Коли прозвучал не как шутка, а как те страшилки, которые мы рассказывали друг другу на сеновале.

Девчонки притихли, а я просто сидела и смотрела, как в тени берёзы Коля перевязывает очередной веник — старательно, сосредоточенно, иногда покусывая губу. Ветки шуршали, пахло берёзовым соком и нагретой землёй. Вдалеке куковала кукушка.

— Сколько лет осталось? — спросил Коля, не поднимая головы.

— Не поняла, — ответила я.

— Кукушка кукует. Говорят, если сосчитать — узнаешь, сколько тебе жить.

Я прислушалась. Ку-ку. Ку-ку. Ку-ку.

— Хватит, — сказала я. — Я долго жить хочу, незачем это знать.

Кукушка замолчала. Будто послушалась. Мы переглянулись и засмеялись.

Солнце клонилось к закату, когда мы закончили. Все навязали по огромной охапке веников. У меня вышло тридцать семь — больше, чем планировали. Связанные в пучки, они лежали на брезенте, пахнущие лесом, летом и чем-то ещё — тем самым, что не купишь в городе ни за какие деньги.

— Ну что, ребзя, по домам? — спросила Оксана, потягиваясь.

— По домам, — кивнула я.

Мы разобрали веники, погрузили на тележку, которую прикатила Ритка, и двинулись обратно. Коля шёл рядом, и в руках у него был его первый веник — самый корявый, самый смешной, но он нёс его, как знамя.

— На память оставлю, — сказал он, заметив мой взгляд. — Привезу в Тюмень. Буду в баню ходить и Суерку вспоминать.

— А мы тебе ещё сделаем, — пообещала я. — Лучше.

— Куда уж лучше, — усмехнулся Коля и взял меня за руку. Прямо при всех. Наташка за спиной присвистнула, но я не обернулась.

Мы шли через поле, и высокая трава щекотала ноги. Впереди горел закат. А позади оставался лес, полный берёз, которые щедро поделились с нами своими ветками. И пусть мы забрали не много — по чуть-чуть, — но деревья, кажется, не обиделись. Они только шелестели нам вслед, обещая новые встречи.

Веники мы повесили в сарае — аккуратно, веничек к веничку, чтобы не помялись и проветрились. Мама пришла с работы, увидела нашу гору, всплеснула руками.

— Господи, да вы там весь лес повырубили? — спросила она, но глаза у неё были радостные. Такие я видела нечасто — в последнее время мама больше хмурилась.

— Тридцать семь штук мои, — отчиталась я. — Коля тоже помогал. Правда, у него сначала не получалось, но потом он научился.

Мама посмотрела на Колю, который стоял в дверях, чуть смущённый.

— Молодец, — сказала она. — Настоящий мужик растёт. Такие веники в райцентре вмиг разберут. Я в субботу на рынок съезжу, попробую продать.

— А почём покупают? — спросила Ритка, которая зашла с нами попрощаться.

— Не знаю ещё. В прошлом году по рублю отдавали. А в этом... — мама вздохнула. — В этом всё подорожало. Посмотрим, как получится.

Когда подруги разошлись, я осталась помогать маме по хозяйству. Мы вышли во двор покормить кур, и мама, пересыпая зерно из мешка в ведро, негромко сказала:

— Ты это, Оля, с деньгами поаккуратней в этом году. Не сори, как раньше.

— А что так? — спросила я, насторожено. У меня как раз были большие планы на эти деньги.

— Зарплату в детском саду задерживают. Второй месяц. Говорят, денег в кассе нет. — Она помолчала, ссыпая последние зёрна. — А цены растут. Вчера в сельпо зашла — масло сливочное уже по три пятьдесят. А было два двадцать.

Я присвистнула. Даже я понимала, что это много.

— А папа? — спросила я осторожно.

Мама не ответила. Только губы сжала в тонкую нитку.

Вечером, когда мы пили чай на веранде, пришёл дед Михаил. Он сел на своё любимое место у окна, поправил очки и сказал:

— Слышал, вы нынче в лес ходили. Я, помню, в молодости тоже веники заготавливал. На всю округу. Не продавал, так отдавал. Тогда продавать нельзя было.

— А мы хотим на веники фотоаппарат купить, — похвасталась Светка. — Плёнки цветные. Коля сказал, они дорогие.

— Фотоаппарат — дело хорошее, — кивнул дед. — Только вы, девоньки, не забывайте: деньги нынче быстро тают. Как снег весной. Вчера были — сегодня нет.

— Дед, что значит «тают»? — спросила я.

— Инфляция, Олюшка, — ответил он, и слово это прозвучало холодно и страшно, как диагноз. — Страна печатает много денег, а товаров от этого больше не становится. Вот они и обесцениваются.

Я не совсем поняла, но запомнила. Дед не стал объяснять подробнее, только махнул рукой:

— Ладно, вам, молодым, об этом рано думать. Вы лучше скажите, как там Коля наш, освоился?

Я рассказала, как Коля работал вместе с нами, как ловко рубил ветки. И анекдот про Гарбачева, который нам рассказал Коля.

Дед слушал меня и улыбался.

— Да, смело народ жить стал. Раньше такие шутки только на кухне шепотом рассказывали. А сейчас даже дети не боятся...

На следующий день, когда мы снова пошли в лес — на этот раз за щавелём для супа, — я услышала разговор взрослых. Мы сидели на опушке, отдыхали, а неподалёку остановились перекурить дядя Витя, сосед, и тётя Зина из дома напротив.

— Слышала, в райцентре талоны ввели, — говорила тётя Зина, поправляя платок. — На мыло, на спички. И на стиральный порошок. Предъяви талон — получи товар. Нет талона — хоть удавись.

— Достукались, — вздохнул дядя Витя и сплюнул в траву. — Скоро и на хлеб введут. Что тогда делать будем?

— А что делать? — тётя Зина развела руками. — Как жили, так и будем. Своё растим, своё едим. Городским хуже. Им без магазина никак.

Я слушала и чувствовала, как внутри закипает тревога. Словно где-то под полом завелась мышь — не видно её, а слышно, как скребётся. Талоны — это что? Бумажки какие-то? А без них, значит, и мыла не купить? Даже спичек?

Мы собрали щавель и пошли домой. Я несла сумку, а в голове крутились обрывки разговоров — мамин вздох у пустого кошелька, дедово слово «инфляция», тёти Зинины талоны.

— Оль, ты чего молчишь? — спросила Светка, заметив, что я не отвечаю на её болтовню.

— Задумалась, — ответила я.

— О чём?

— Да так. О жизни.

Светка хмыкнула, но допытываться не стала. Она была младше, и её тревоги были другими — найдут ли они с подружками заброшенный шалаш на краю деревни, сошьет ли ей бабушка новый сарафан на лето, пустит ли её Коля посмотреть в видеоискатель фотоаппарата.

А я смотрела на родное село вдалеке, и думала: как же всё сложно у взрослых. И когда ты сам становишься взрослым, мир почему-то не становится проще. Он становится тревожнее, словно в нём завелись щели, сквозь которые сочится холод.

Но тут Светка дёрнула меня за рукав, показывая на отцветающую сирень.

— Оль! Смотри, пятилистник! Загадай желание!

Я подняла голову. Светка держала в ладошке нежный цветок сирени с пятью лепестками. Я взяла его, прожевала.

— Загадала, — сказала я.

— Что? — спросила Светка.

— Чтобы всё было хорошо. У всех.

Светка посмотрела на меня, хотела спросить что-то ещё, но передумала. И правильно. Потому что я и сама не знала, как ответить. Хорошо — это как? Когда хлеб не по талонам? Когда папа не пьёт? Когда мама не вздыхает над пустым кошельком?

Мы шли домой, и держала в руке восточку сирени. Я знаю, что там еще найду цветочки с пятью лепестками. Один я уже потратила на желание. Может, и правда, всё будет хорошо. Просто не сразу. И не так, как мы думаем.

Глава 3. Городская

Машину мы слышали ещё издали — не наш колхозный УАЗик, и не грузовик с фермы. Мотор урчал ровно, мягко, без надрыва, как сытый кот. Я высунулась из окна веранды и увидела, как со стороны Упорова по пыльной дороге катит иномарка. Тёмно-синяя, блестящая, с тонированными стёклами. Таких в Суерке отродясь не видали.

— Светка! Беги сюда! — крикнула я.

Светка примчалась. Увидела машину, замерла с открытым ртом.

— Это кто? — прошептала она.

— Не знаю. Но, кажется, к нам.

Иномарка остановилась у калитки. Мотор заглох. Из машины вышел высокий худой мужчина в светлой рубашке с коротким рукавом. Волосы у него были совсем седые, лицо бледное, но улыбался он широко, по-доброму. Папа уже выходил из дома, на ходу вытирая руки ветошью.

— Серёга! — закричал он, и я впервые за долгое время услышала в его голосе такую искреннюю радость.

Мужчины обнялись, хлопая друг друга по спинам.

— Ну, здорОво! Давно не приезжал, даже зимнюю охоту пропустил.

— Да всё некогда было, Володя. Бизнес закрутил, времени ни на что не остается.

— Ладно, всё устаканится! — папа был искренне рад приезду друга — Отдохнешь у нас, а всех дел не переделать.

Потом седой закашлялся, отступил на шаг.

— Что, болит? — спросил папа, с тревогой глядя на друга.

— Язва, иттить её — коротко ответил тот. — Лечат теперь. Не пью, не курю. Маруся из-под палки заставляет.

Папа хмыкнул, но как-то кисло. Я поняла: расстроился. Наверное, надеялся, что Сергей приехал с ним посидеть за бутылкой, как в старые добрые времена. А тут — лечат, не пьёт.

Из машины, хлопнув дверцей, вылезла девочка. Моя ровесница или чуть постарше. На ней были джинсовые шорты — короткие, с отворотами, каких в Суерке никто не носил, и ярко-розовая футболка с надписью на английском, которую я не смогла прочитать. Волосы собраны в высокий хвост, на ногах — белые кроссовки, ни пятнышка пыли, хотя на улице сушь страшная.

Из ушей у неё торчали наушники — большие, чёрные, соединённые тонким проводком с плоской коробочкой, висевшей на поясе. Она двигалась в такт музыке, которую никто кроме неё не слышал, и смотрела на нашу улицу с таким видом, будто попала в музей под открытым небом.

— Лера! — позвал её седой мужчина. — Иди, познакомься.

Она сняла наушники, не торопясь, и подошла к нам.

— Здравствуйте! Я Лера, а вы дядя Вова? — сказала она, кивнув моему отцу. — Папа много о вас рассказывал.

— Вот и правильно, — папа улыбнулся, но как-то натянуто. — Знакомься, это мои дочки: Оля и Света.

Лера посмотрела на меня. Её взгляд скользнул по моему ситцевому платью (новому, между прочим!), по заскорузлым от стирки сандалиям, по рукам, которые все были в царапинах и цыпках от работы в земле.

— Очень приятно, — сказала она таким тоном, будто ей вручили подарок, который она не просила.

Из дома вышла мама. Она уже слышала гости, поэтому успела переодеться.

— Здравствуйте, проходите, — сказала она. — Обед уже почти готов.

— Надолго к нам? — спросил папа, забирая у Сергея небольшую спортивную сумку.

— Я ненадолго, — ответил тот. — Мне в командировку надо в Казахстан, потом еще в другие места нужно сгонять. А Лерку не с кем оставить. Вот думал, может, у вас поживёт до осени? А дочки у нас вроде ровесница, втроём веселее.

Мама с папой переглянулись. Я замерла.

— Конечно, пусть живёт, — сказала мама. — У нас в доме места хватит.

Лера молчала. Она оглядывала наш двор, выдавший виды сарай, курятник, старую баню, которая давно требовала ремонта. На её лице не было пренебрежения, но и восторга — тоже. Скорее спокойное, скучающее любопытство.

— Ты в каком классе? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

— В пятом. Перехожу в шестой.

— И я, — я попыталась улыбнуться. — У нас тут школа, правда, маленькая. Но учителя хорошие.

Лера кивнула, не проявляя особого интереса.

Мы зашли в дом. Лера оставила кроссовки в сенях, прошла на кухню. Увидела русскую печь, застыла на секунду.

— Настоящая? — спросила она.

— Настоящая, — ответила Светка, которая всё это время пряталась за моей спиной. — В ней и пекут, и варят, и спят на ней. Хочешь, покажу?

— Может быть, потом, — Лера села на стул, положила на стол свой плеер и наушники. Техника для нас была незнакомой, почти космической. Рядом с ней наш магнитофон «Романтик» выглядел как ископаемое.

— У вас в Тюмени у всех такие? — не удержалась я, кивнув на коробочку.

— Это всё? — переспросила Лера. — Конечно. У меня ещё и видеоманитофон дома есть.

— Видеоманитофон? — Светка вытаращила глаза. — Как в клубе?

Лера усмехнулась — впервые с тех пор, как вышла из машины.

— Ага, — сказала она. Но в голосе не было насмешки. Просто констатация факта: мы из разных миров.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри закипает что-то новое. Не зависть. Нет. Скорее странное, щемящее чувство, будто я стою на перроне, а мимо проносится поезд, которого мне не догнать.

У неё есть всё. У нас — ничего.

Но зато у нас есть лес, река, костёр на задах и лето, которое всегда с нами. А есть ли у неё это — в её городе, с её плеером и видеоманитофоном?

Я не спросила. Но почему-то подумала, что нет. И от этого стало чуть легче.

Я смотрела, как мама стелет свежестыренные простыни на наши кровати в детской. Наши кровати. Для чужих людей. Комнату мы со Светкой освободили час назад — перетаскивали свои книжки, игрушки, любимую куклу Светки на веранду. А теперь в нашей комнате всё чужое: чистое, выглаженное, пахнущее маминой усталостью.

— И что, она теперь в нашей комнате будет спать? — спросила я, хотя и так знала ответ.

— В вашей комнате, — мама расправила уголок простыни, не глядя на меня. — А вы на веранде, как и хотели. Сами же просились.

— Но веранда — это на лето. Мы там сами по себе. А теперь получается, нас выселили.

— Никто вас не выселял, — мама вздохнула и, наконец, повернулась ко мне. — Оля, не начинай. Люди приехали издалека, папины друзья. Мы не можем их не принять.

Я замолчала, но внутри всё кипело.

Мама ушла готовить ужин. Она достала из печи чугунок с картошкой, нарезала сало, поставила на стол банку с солёными огурцами. Папа сидел с Сергеем за столом и тихо разговаривал. Лера ушла во двор — рассматривать нашу баню и курятник с таким видом, будто попала в зоопарк.

Я присела на крыльцо, обхватив колени руками. Светка пристроилась рядом, сунув нос в моё плечо.

— Оль, а она надолго?

— До осени, — буркнула я.

— Ого, — Светка присвистнула. — А как же мы?

— А никак. Будем делить веранду с комарами.

Мы замолчали. За огородом садилось солнце, и небо окрасилось в розовое, как мамина любимая скатерть. Вдалеке замычала корова, кто-то крикнул «домой пора». Обычный вечер в Суерке. Только вот внутри у меня всё перевернулось.

Мама целый день на ногах. С утра — корова, куры, огород. Потом — работа в детском саду, где чужие дети плачут, просят к маме, и наша мама утешает их, потому что своих не видит до вечера. А вечером — снова корова, снова ужин, стирка, уборка. И так каждый день. А теперь ещё и гости. Стелить, кормить, убирать за ними, развлекать.

Я вспомнила, как прошлой зимой приезжали какие-то папины друзья из Тюмени. Мама тогда три дня не вылезала из-за плиты: пекла пироги, варила холодец, доставала из погреба соленья. А они сидели, ели, хвалили, а потом уехали, даже спасибо толком не сказали. И посуды — гора. И простыни стирать. И мама всё это делала.

Я не хочу так жить! Когда вырасту, у меня в доме не будет чужих людей с ночёвкой. Неважно, друзья они или родственники. Мой дом — моя крепость, как в книжках про рыцарей. Только я не хочу никого защищать. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Чтобы никто не требовал внимания, не лез в душу, не наглед на моей кухне.

— Как думаешь, маме нравится, что у нас гости? — вдруг спросила Светка, будто прочитав мои мысли.

— Не знаю, — честно ответила я. — Наверное, нет. Но она же не может отказать. Папа расстроится, гости обидятся, неудобно, нехорошо.

— А мы можем сказать, что не хотим? — Светка посмотрела на меня снизу вверх.

— Нам никто не даст слова.

И это было обиднее всего. Мы — дети. Наше дело — слушаться. Наше дело — уступать взрослым, потому что они большие, они знают лучше. Даже если они знают лучше, почему у мамы под глазами синяки, а спина после работы не разгибается?

Из дома вышла Лера. Теперь без наушников, без плеера. Увидела нас на крыльце, помедлила, потом подошла.

— У вас тут тихо, — сказала она.

— Нравится? — спросила я с вызовом, сама не зная почему.

— Не знаю ещё. Не привыкла.

— А ты привыкай. Лето долгое. — язвительно ответила я.

Светка толкнула меня локтем — мол, не груби. А я не грубила. Я просто не хотела притворяться, что мне всё равно.

Лера села на нижнюю ступеньку, подальше от нас. Мы смотрели в разные стороны: она — на закат, я — на грязные сандалии, в которых прошла сегодня половину села.

— Скажи, а вы всегда так живёте? — спросила она.

— Как — так?

— Ну, по-старинке. С печкой, с коровами...

— А что нам остаётся? — я пожала плечами. — Другой жизни у нас нет.

Лера замолчала. Может, она хотела сказать что-то ещё, но раздумала.

А я сидела и думала о том, что другая жизнь существует. У неё, у Коли, у всех, кто живёт в городах, где есть видеоманитофоны и гостиницы, чтобы не просить ночлег у знакомых. А в нашей жизни есть только этот дом, эта веранда, эти бесконечные гости, от которых у мамы болят руки и спина. И я не хочу такой же участи. Ни за что! Даже если для этого придётся стать плохой, неудобной, неуступчивой.

Из дома позвали ужинать. Я встала, отряхнула платье.

— Идём, — сказала я Светке.

— А как же Лера? — спросила она шепотом.

— Лера — гостя. Она сама знает, что делать.

Я первая вошла в дом. И решила, что буду молчать весь ужин. Не потому что обиделась. А потому что слова сейчас — как стены из песка. Скажешь — рассыплются. А удержать их всё равно не получится.

Коля появился на крыльце, когда мы уже заканчивали ужин. Я услышала его шаги раньше, чем стук в дверь — лёгкие, быстрые, в кедах, которыми он гордился прошлым летом. Сердце сделало кульбит и замерло где-то в горле.

— Здравсьте, — он приоткрыл дверь и заглянул в горницу. — А я к Оле.

— Проходи, Коля, — мама улыбнулась, вытирая руки о полотенце. — У нас гости. Знакомься.

Он вошёл, заметил Леру, и я увидела, как на его лице мелькнуло удивление. На секунду — и тут же сменилось вежливой, чуть отстранённой улыбкой.

— Привет, — сказал он. — Я Коля.

— Привет, Николя, — она растянула губы в улыбке и подошла к нему ближе, чем следовало — Я Лера!

«Николя». Я вздрогнула. Так его никто не называл. Никогда. Для всех деревенских он был Колька. Для меня — Коля. А тут какое-то «Николя», будто на французский манер, как-то интимно.

— Мы с тобой, оказывается, на одной улице живём, — продолжала Лера. — В Тюмени, я имею в виду. Твой дом через две остановки от моего.

— Правда? — Коля удивился по-настоящему. — Я не знал.

— А вот так. Повезло. — Она кокетливо поправила резинку на хвосте. — Ты в какой школе?

Они заговорили о Тюмени, об улицах, о дворах, о магазинах. Городской язык, понятный только им двоим. Я стояла в стороне, прижимая к груди пустую тарелку, и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёмное, липкое. Я поняла, что это ревность. Я не хотела её признавать, но она была. Острая, как заноза.

— Оля, ты идёшь гулять? — спросил Коля, заметив, что я замерла.

— Да, — я поставила тарелку на стол. — Сейчас.

На улице уже собралась наша компания. Наташка с Риткой натягивали сетку для бадминтона между двумя берёзами. Оксана размахивала ракеткой, пробуя, удобно ли лежит в руке. Светка уже успела выпросить у кого-то волан — потрёпанный, с помятым оперением, но летал он хорошо.

— Айда к нам! — крикнула Наташка. — Оля, ты с Колей в команде, Лера — с Серёгой (это был местный пацан, который вечно путался под ногами). Мы — судьи.

Игра началась. Лера взяла ракетку так, будто всю жизнь только этим и занималась. Поддача — резкая, волан летит прямо к Коле. Он отбил, но неловко, волан упал у его ног.

Я стояла на своей половине поля и сжимала ракетку так, что костяшки побелели. Лера подавала снова. На этот раз волан полетел в мою сторону. Я отбила, но волан ушёл в сторону.

— Не страшно, — сказал Коля, подходя ко мне. — Расслабь руку. Не надо так вцепляться.

— Я и не вцепляюсь, — буркнула я.

Он посмотрел на меня, чуть прищурившись.

— Ты чего?

— Ничего.

А сама видела: Лера смеётся с Серёгой, но краем глаза смотрит на нас. На него. На меня. Сравнивает, наверное. И находит меня слишком простой, слишком деревенской, слишком... обычной. Не то, что она в её джинсах и розовой футболке, с её плеером и уверенным взглядом.

Коля отбил волан, потом снова подошёл.

— Оль, ты только на Леру не обращай внимания, — сказал он тихо, чтобы никто не слышал. — Она просто избалованная девочка. Привыкла, что все вокруг неё прыгают.

— А ты не прыгаешь? — спросила я, не глядя на него.

— Мне это не нужно.

Я хотела спросить: «А что тебе нужно?» — но не решилась. Волан опять прилетел ко мне, и я отбила его, на этот раз сильнее. Он перелетел сетку, упал у ног Леры, и она не успела его подхватить.

— Очко! — закричала Светка.

Лера посмотрела на меня с удивлением. Наверное, не ожидала.

— Хороший удар, — сказала она. — Ты, оказывается, умеешь.

Я промолчала. Коля встал рядом, почти вплотную, и я почувствовала тепло его плеча.

— Не обращай внимания, — повторил он. — Правда. Ты лучше.

— В смысле лучше? — спросила я.

— Во всём, — ответил он просто, будто это было очевидно.

Я не знала, верить ли. Но внутри, там, где только что жгла ревность, стало чуть теплее. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени легли на траву. Мы играли до темноты, пока волан не потерялся в кустах, а Наташка не объявила ничью.

— Завтра реванш! — крикнула Лера, уходя.

Коля остался со мной. Мы стояли у калитки, смотрели, как зажигаются звёзды.

— Ты, правда, так думаешь? — спросила я.

— Что?

— Что я лучше.

— Я не говорю того, чего не думаю, — ответил он.

И взял меня за руку. Просто так. Легко, спокойно, как только он умел.

Лера ушла, а мы остались. На пустынной улице, в тишине, под звёздами. И я вдруг поняла, что неважно, кто во что одет и кто откуда приехал. Важно — кто с тобой рядом. И кто остаётся, когда все уходят.

Веранда пахла ночной прохладой и сиренью. Мы со Светкой лежали на раскладушках, укрывшись одним одеялом, и смотрели на звёзды. Дверь в кухню была приоткрыта, и оттуда доносились голоса взрослых — негромкие, но живые, будто перекатывающаяся галька.

— Свет, ты слышишь? — спросила я шёпотом.

— Ага, — сестра кивнула. — Про бизнес какой-то.

Сергей, отец Леры, говорил уверенно, с лёгкой хрипотцой. Голос у него был такой, что хотелось слушать, даже если не понимаешь, о чём речь.

— Колхозы доживают последние дни, — сказал он. — Социализм умер. Всё, разваливается. Сейчас кто быстрее сориентируется, тот и выживет.

— Это как вообще? — спросил папа. — Мы ж тут всю жизнь в колхозе работали.

— Вот именно — работали. А теперь надо думать, как самим зарабатывать.

Мама молчала. Я представила её лицо — усталое, с застывшей полуулыбкой, которую она надевает, когда не хочет показывать, что у неё на душе. Она не любила такие разговоры. Говорила, что от них только голова болит, а толку — ноль.

— Я, знаете, свой кооператив открыл, — продолжал Сергей. — Товары из-за границы вожу. Там есть всё, чего у нас нет. И по карточкам не надо, и очередей. Дорого, но люди покупают.

— А не боитесь? — спросила мама тихо. — Вдруг власть поменяется, и всё ваше — отберут?

— Никто не отберёт, — усмехнулся Сергей. — Кто смел, тот и съел. Теперь не тридцать седьмой год.

Я не поняла, что значит «тридцать седьмой», но слово «кооператив» запомнила. Раньше я думала, что кооператив — это что-то вроде нашего сельпо. А оказывается, там можно продавать товары, которых нет у нас, и зарабатывать деньги. Много денег. Сергей говорил о них легко, будто они у него в кармане шуршали.

— Я Лерку привёз, чтобы на природу посмотрела, от города отдохнула, — добавил он. — И самому отдохнуть охота. Охота, рыбалка, баня.

Отец что-то сказал про охоту, но мама перебила:

— А вдруг у вас язва откроется? Вам же нельзя нервничать.

— А я и не нервничаю, — засмеялся Сергей. — Я успеваю жить. Пока есть возможность.

На кухне загремели ложками — мама, видно, подавала чай. Светка зевнула и отвернулась к стене. Я осталась лежать с открытыми глазами, слушая, как за тонкой стеной решаются чужие судьбы.

— Я вот думаю, — сказал Сергей, понизив голос, но всё равно слышно было, — может, и вам помочь? Откроете своё дело. Магазин, например. У вас опыт, Надежда Васильевна, вы ж до детского сада бухгалтером работали.

Мама долго молчала. Потом ответила:

— Не знаю. Боюсь.

— Чего бояться? — спросил папа, и в его голосе я услышала неожиданную злость. — Другие не боятся, а мы будем?

— Непривычно это всё, — тихо сказала мама.

Снова замолчали. Я представила, как они сидят за столом: папа напряжённый, красный, мама бледная, Сергей — спокойный, чуть откинувшись на стуле. Чужие люди. Чужие разговоры.

— Ладно, — Сергей хлопнул ладонью по столу. — Не будем о грустном. Давайте лучше о хорошем. Лето, тепло. Дети пусть дружат.

— Да, детям спокойней в деревне, — сказала мама. — Коля вот на всё лето приехал. Тоже городской.

— Ага, видел уже, — кивнул Сергей. — Хороший парень, толковый. Тоже, наверное, будет своё дело открывать, когда вырастет?

— Может, — ответил папа. — А может, и нет. Сейчас никто ничего не знает.

Я закрыла глаза. В голове перемешалось: новый русский, кооператив, социализм умер. Чувствовала я одно — тревогу. Будто где-то далеко гремит гром, а ты не знаешь, будет ли дождь или пронесёт.

Светка уже спала, посапывая в подушку. Я села, подтянула колени к подбородку и посмотрела в окно. Там, за сиренью, чернело небо, и звёзды в нём горели ярко-ярко. Странно: звёзды всегда одинаковые, а жизнь меняется. И никто не знает, что будет завтра.

Из кухни донеслось: «А давайте споем?» — это папа. Кто-то засмеялся, зашуршали стульями. Потом раздался голос мамы — тихая, грустная песня про рябину, которую я слышала сто раз.

Я легла, укрылась с головой, чтобы не слышать. Не потому, что песня была плохая. А потому что под неё хотелось плакать. От чего — сама не знала.

Просто завтра наступит новый день. А впереди — целое лето, полное чужих людей, чужих разговоров и надежды, которую так трудно удержать в руках, как звёзды, что горели за окном.

глава 4. Машка и Марадона

Пустырь за клубом был местом, где вечно пахло полынью и коровьими лепёшками, а трава росла такая высокая, что в ней можно было играть в прятки. Мы шли на речку, но Светка, вечно глазающая по сторонам, вдруг замерла и дёрнула меня за рукав.

— Оль, смотри! — прошептала она, вытягивая шею.

Я проследила за её взглядом. Посреди пустыря, на примятой площадке, какой-то мужик вытворял с мячом такое, от чего у меня самой рот приоткрылся. Он не просто пинал его — он жонглировал. Мяч летал между его ног, поднимался на колени, перекатывался на грудь, замирал на плече, а потом мужик вытянул шею и мяч послушно лёг на его лоб.

— Это что за цирк? — Коля прищурился, поправляя кепку.

— Это Марадона. Он странный, с ним никто не общается.

— Какой же он Марадона? — хмыкнул Коля. — Ну, мужик с мячом. В Тюмени во дворах такие каждый день играют.

Мужик, будто услышав его слова, вдруг подбросил мяч головой вверх, развернулся спиной, поставил пятку, и мяч, описав дугу, перелетел на другую ногу. Потом мужик подкинул его коленом, поймал на затылок, наклонился — и мяч скатился по спине, упал на землю и послушно отскочил ему в руки.

— Ничего себе, — выдохнул Коля, и его скептицизм будто ветром сдуло.

Я усмехнулась. Вот так всегда: городские думают, что в деревне ничего интересного нет, пока не увидят.

Мужик заметил нас, улыбнулся и помахал рукой.

— Эй, молодёжь! Подходите, не бойтесь!

Мы подошли ближе. Мужик оказался не старым, но и не молодым — так, за сорок, наверное. Лицо обветренное, морщины глубокие, но глаза — живые, с хитринкой. Волосы длинные, с проседью, стянуты в хвост на затылке. Одет был просто: спортивные штаны, кеды, старая футболка с надписью, которую я не разобрала.

— Здорово, — сказал он, протягивая руку Коле. — Виктор. А для всех — Марадона.

— Марадона? — переспросил Коля, пожимая ладонь. — Как тот, из Аргентины?

— Ага, — мужик довольно усмехнулся. — Только тот в футбол играл, а я и футбол, и на аккордеоне, и байки травить умею.

— Аккордеон? — Светка оживилась. — Вы играете?

— А то, — Марадона подмигнул ей. — Я в молодости в Москве работал, в Измайловском парке. Культуру нёс в массы. Играл, пел, людей веселил. А потом водка проклятухая сбила с пути. Но это дело прошлое, — он махнул рукой. — Сейчас я здесь, в Суерке, «почетный пенсионер».

— Это вы здорово придумали с финтами, — Коля уже оттаял. — Я в городе такого не видел. Даже во дворе.

— А ты в городе и не увидишь, — Марадона опустил мяч на землю, придавил ногой. — В городе люди спешат. Им некогда на мяч смотреть, у них дела поважнее. А в деревне — время есть. И на футбол посмотреть, и байку послушать, и просто так поговорить.

— А вы рассказывать умеете? — спросила Светка, присаживаясь на корточки.

— Ой, умею, — он засмеялся, и смех у него был такой заразительный, что я тоже заулыбалась. — Хотите, приходите ко мне в гости. Я вам и байку расскажу, и на аккордеоне сыграю, и кошку свою покажу.

— Кошку? — Коля поднял бровь. — А что в ней особенного?

— А вы придёте — увидите, — Марадона загадочно прищурился. — Она у меня учёная. И умнее иных людей.

— А где вы живёте? — спросила я.

— За клубом, третий дом от поворота. Приходите сегодня вечером, чайку попью.

— Придём, — пообещала я, хотя Коля настороженно покосился в мою сторону.

— Не бойся, парень, — Марадона хлопнул его по плечу. — Я не кусаюсь. И детей люблю. У меня своих нет, так хоть на чужих порадуюсь.

— Спасибо, — Коля слегка расслабился. — Мы придём.

— Вот и ладно, — Марадона подкинул мяч и снова начал жонглировать — легко, будто не замечая наших взглядов.

Мы постояли ещё немного, глядя, как мяч кружится вокруг него, как послушно прыгает с ноги на ногу, замирает на плече, перекачивается по спине. Потом я дёрнула Светку за рукав, и мы пошли дальше, к реке.

— Классный мужик, — сказал Коля, когда мы отошли подальше.

— Сам же говорил, в городе полно таких, — съязвила я.

— Нет, — Коля покачал головой. — Такие — только здесь.

Я не спросила, что он имел в виду. И так поняла: он о том, что у каждого места есть свои чудики, свои герои, свои легенды. И Марадона — одна из них. Как наш сосед дед Фёдор с

гусьями. Как баба Фёкла, которая молится и не видит солнца. Как все они — странные, смешные, неудобные, но такие родные.

— Пойдем к нему сегодня? — спросила Светка, догоняя меня.

— Пойдем, — кивнула я. — Обязательно.

Потому что отказываться от такого приглашения было бы просто глупо. И потому что мне самой жутко захотелось узнать, что за кошка у Марадоны и какие такие байки он рассказывает. И ещё — послушать, как звучит аккордеон в деревенском доме. Тоже наверняка особенному.

Марадона шёл впереди, широко размахивая руками, и показывал дорогу. Мы брели за ним по улице Мира, которая в этот час дремала под полуденным солнцем. Заборы покосились, калитки приоткрыты, в палисадниках цвели пионы — лиловые, белые, розовые. В одном дворе кричал петух, а из открытого окна доносилось радио — кто-то слушал новости про очередные очереди и талоны.

— А вы давно в Суерке? — спросил Коля, обходя лужу, которая, казалось, высохла ещё вчера, но по старой памяти продолжала блестеть на солнце.

— Да уж лет десять, — Марадона пнул камешек, и тот покатился по пыльной дороге. — Приехал — и застрял. Хорошее место, тихое. В Москве такой тишины днём с огнём не сыщешь.

— А вам не скучно? — спросила Светка. — В деревне же развлечений никаких.

— А какие мне развлечения? — он усмехнулся. — Мне бы баня, удочка да мяч. А больше ничего и не надо.

Он рассказывал о Москве — о парках, где играют оркестры, о стадионах, где собираются тысячи людей, о друзьях, с которыми он когда-то выступал. Я слушала и представляла огромный город, которого никогда не видела. Высотные дома, метро, толпы на улицах. И нашего Марадону — молодого, без седины, в модном пиджаке, с аккордеоном в руках. Странно было думать, что этот мужик в кедах и старой футболке когда-то был звездой.

— А почему вы уехали? — спросил Коля, и я поняла, что он думает о том же.

— Почему, почему... — Марадона вздохнул. — Жизнь сложная штука. Наделал ошибок, потерял друзей, работу. А потом как-то всё покатилося. Очнулся — а я уже здесь.

Он замолчал, и мы не стали расспрашивать дальше.

Дом Марадоны оказался в самом конце улицы, за высокими старыми тополями. Покосившийся, с резными наличниками, которые когда-то были зелёными, а теперь облупились и потрескались. Крыша кое-где поросла мхом, крыльцо скрипело под ногами.

— Не дворец, но жить можно, — Марадона открыл калитку, и мы вошли во двор.

Огородик был маленьким, запущенным. Несколько грядок с луком и укропом, куст смородины, старая яблоня. Ни коровы, ни кур, ни сарая — только банька на задворках, тоже покосившаяся, но, судя по запаху дыма, топленая недавно.

В доме пахло старым деревом, табаком и ещё чем-то сладковатым, неуловимым. В первой комнате — просторной, с низким потолком — стояла русская печь, выбеленная известкой. На полках — книги, старые журналы, какие-то коробочки. Посередине — стол, накрытый клеёнкой, на стульях — лоскутные подушки.

А на почётном месте, на покрывале ручной работы, лежал аккордеон. Перламутровый, блестящий, с клавишами, которые отливали золотом. Он выглядел здесь как король в нищей избушке.

— Это он, — сказал Марадона, заметив мой взгляд. — Моя гордость.

— Красивый, — выдохнула я.

— Ещё бы, — он погладил аккордеон рукой, бережно, как ребёнка. — Я с ним по всей стране ездил. И сейчас иногда беру в руки — и душу отпускает.

На пороге комнаты появилась кошка. Маленькая, трёхшёрстная, с умными жёлтыми глазами. Она посмотрела на нас, не спеша, обошла гостей по кругу и села у ног хозяина.

— А вот и моя помощница, — Марадона наклонился и почесал её за ухом. — Машка, поздоровайся.

Кошка мяукнула, и мне показалось, что она и правда сказала «здравствуйте».

— Обычная кошка, — заметил Коля. — Что в ней особенного?

— А ты погодь, — усмехнулся Марадона. — Машка, подай тапки.

Кошка, не торопясь, встала, скрылась в другой комнате и через минуту вышла, неся в зубах старый, стоптанный тапок. Положила его у ног хозяина, потом скрылась и принесла второй.

— Вот это да! — Светка захлопала в ладоши.

Коля стоял с открытым ртом. Я смотрела на кошку, которая важно уселась на табуретку и принялась умываться лапой.

— Ты видела? — спросил Коля, поворачиваясь ко мне.

— Видела. Как у Куклачева — кивнула я.

— Она у меня умная, — сказал Марадона, надевая тапки. — Только разговаривать не выучил. А так — любую команду понимает. Хочешь, ещё покажу?

— Конечно! — закричали мы хором.

— Машка, ко мне! — скомандовал он. — Дай лапу!

Кошка слезла с табуретки, подошла к хозяину и протянула ему переднюю лапу. Тот торжественно пожал её.

— Апорт! — бросил Марадона смятый носовой платок в угол комнаты.

Машка сбегала за ним, принесла обратно в зубах и положила у ног.

— Гениально, — выдохнул Коля. — Вы её дрессировали?

— Никакой дрессировки, — Марадона погладил кошку по голове. — Она сама такая. Я её нашёл на улице, маленькую, замёрзшую. Выходил, вылечил. Вот она и платит добром за добро.

— А погладить можно? — спросила Светка.

— Можно, — разрешил Марадона. — Только осторожно. Она чужих не любит, но если я разрешил — не тронет.

Светка протянула руку, Машка понюхала её и благосклонно подставила голову.

— Какая хорошая, — прошептала сестра.

— А что она ещё умеет? — спросила я.

— Много чего, — Марадона загадочно улыбнулся. — Но это уже в следующий раз. Садитесь, чайку попьем. Расскажите мне о себе, а я вам — о жизни.

Мы сели за стол, и Машка тут же запрыгнула на лавку, устроившись у ног хозяина. И я подумала, что, наверное, счастье — оно не в деньгах и не в городе. А вот в таком — покоившемся доме, в старой кошке, в аккордеоне, который помнит лучшие времена, и в людях, которые готовы поделиться теплом. Даже с незнакомцами, кто зашёл на огонёк случайно, а останется, кажется, надолго.

Марадона подошёл к аккордеону, провёл рукой по перламутровым клавишам, и инструмент тихонько вздохнул, будто просыпаясь после долгого сна.

— Ну что, — он обернулся к нам, — хотите послушать, что в городе сейчас играют?

— А вы что, и современное умеете? — удивился Коля.

— А то, — усмехнулся Марадона. — Я ж не мамонт. Я в курсе новой музыки.

Он сел на табурет, поправил ремни, прижал аккордеон к груди. Пальцы его — узловатые, с жёлтыми от табака ногтями — пробежали по клавишам, и из мехов полилась знакомая, зажигательная мелодия. Ламбада. Та, что в этом году крутили на всех дискотеках, от которых у взрослых болела голова, а у нас — ноги.

— Ой, я знаю! — закричала Светка и тут же начала дрыгаться, изображая что-то среднее между индейским танцем и школьной зарядкой.

Я засмеялась. Коля тоже не удержался — улыбнулся, глядя на мою сестру. А Марадона играл, и его пальцы всё ускорялись, перебирая клавиши так быстро, что я не успевала следить. Аккордеон стонал, звенел, дышал — как живой.

— Ну, молодежь, чего встали? — крикнул он поверх музыки. — Танцуйте!

Я не умела танцевать ламбаду. Мы в Суерке вообще ничего не умели танцевать, кроме медяков под «Ласковый май» и «белого танца», где девочки приглашают мальчиков, а потом все стоят как истуканы и переминаются с ноги на ногу. Но тут, под этот зажигательный ритм, ноги сами пошли в пляс.

Я схватила Светку за руки, и мы закружились по комнате, натываясь на табуретки и хохоча. Коля остался стоять у стены, но я видела, как его нога отбивает такт.

— Коля, давай с нами! — крикнула я.

— Я не умею, — отмахнулся он.

— А мы тебя научим! — Светка подбежала к нему и потащила в центр комнаты.

Мы плясали втроём: я и Светка — как умели, Коля — ещё хуже. Он смущался, наступал мне на ноги, путал движения, но глаза его смеялись.

— Вот это по-нашему! — Марадона перешёл на какой-то новый аккорд, и мелодия зазвучала ещё быстрее.

Комната кружилась вместе с нами. Со стен на нас смотрели старые фотографии — чёрно-белые, с людьми в одежде прошлых лет. Обстановка в доме была старая потрёпанная. Пахло в доме пирогами? Нет, скорее сухарями и мятой. И ещё — старым деревом, пылью, уютом.

Машка, напуганная нашим галдежом, спряталась под стол, но любопытство победило. Через минуту она высунула мордочку, потом вылезла и села у ног хозяина, наблюдая за нами с таким видом, будто мы — самые глупые люди на свете.

— Испугалась? — спросил её Марадона между аккордами.

Кошка моргнула и отвернулась.

— Смотри-ка, обиделась, — засмеялся он.

Музыка кончилась так же внезапно, как началась. Мы остановились, тяжело дыша, красные, потные, счастливые. Светка тут же плюхнулась на лавку, скинула сандалии.

— Ещё! — потребовала она.

— Передохнуть надо, — Марадона опустил аккордеон на колени и вытер лоб тыльной стороной ладони. — Не в том возрасте, чтобы без остановки джазовать.

— А можно я попробую? — спросил Коля, глядя на инструмент.

— А ты умеешь?

— Немного. У нас в школе был кружок.

Марадона встал, уступил место. Коля сел, прижал аккордеон к груди, провёл пальцами по клавишам — неуверенно, будто боясь сделать больно. Потом нажал несколько кнопок, и меха запели — негромко, грустно, не в такт.

— Так-так, — Марадона подошёл сзади, поправил ему руки. — Пальцы расслабь. Не дави, а гладь. Аккордеон — он как женщина, с ним ласково надо.

Коля покраснел от этих слов, но попробовал снова. Получилось лучше, но всё равно далеко до Марадоны.

— Ничего, — утешил его тот. — Научишься. Главное — желание.

Я смотрела на них — на Колю, который сидел с аккордеоном, на Марадону, который что-то объяснял про басы и регистры, и вдруг поняла, что это лето, кажется, будет не таким, как прошлое. Не просто игры, не просто поиски кладов, а что-то другое. Взрослое? Или почти взрослое.

— Оль, — позвала Светка, дёргая меня за рукав. — А мы еще сюда придём?

— Если пригласят, — пообещала я.

Марадона услышал и обернулся.

— Приходите, когда хотите, — сказал он. — Я всегда рад. И Машка тоже.

Кошка, будто подтверждая его слова, тихонько мявкнула.

Мы вышли на улицу, когда солнце уже клонилось к закату. Воздух был прозрачным и тихим, только вдали лаяла собака да скрипела калитка у соседей.

— Хороший мужик, — сказал Коля, когда мы отошли подальше.

— Да, — кивнула я.

Мы шли рядом, почти касаясь плечами. Внутри у меня всё пело — не громко, а так, чуть слышно, будто тот самый аккордеон, оставшийся в покосившемся доме, продолжал играть для нас одних.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.